

А.В. Глазков (Москва)

Некоторые замечания о методологии анализа фактуального текста

Рассматривая текст как динамическое информационное поле, мы говорим о процессе продуцирования смыслов при движении по тексту, при чтении. Возникающая при этом индукция превращает номинативные единицы в коммуникативные, наделяя их актуальными для данного текста смыслами. Этот процесс задается и прогнозируется автором текста, который предлагает реальному читателю задачу, заключающуюся во вскрытии заключенных в тексте смыслов. Текст во многих отношениях имеет волнообразную структуру, в том числе это касается и распределения информации. Автор предстает как личность, выбирающая, что для читателя известно, а что неизвестно. Неизвестная информация требует разъяснения, и автор выбирает оптимальный вариант ее представления.

В нашей статье речь пойдет о нехудожественном фактуальном тексте, который имеет особые отношения с внетекстовой действительностью, поскольку его прагматическая сфера значительно отличается от соответствующей в художественном тексте. Изложенный факт должен иметь место в реальности. Лица, о которых говорится, должны иметь не просто реальных прототипов, но и существовать, проживать свою жизнь, независимую от данного текста. Реальными должны быть и топос, и время. Но главное – и автор, и реальный читатель могут обладать определенными общими знаниями. Если читатель художественного текста по умолчанию не может знать развития сюжета, то для (83)

читателя фактуального текста подобная неосведомленность вовсе не обязательна. Пусть некий текст содержит отсылку к историческому факту. Реальные читатели тотчас же разделятся на две группы: на тех, кто об этом историческом факте знают, и на тех, кто не знают. Однако и тут четкого разделения не будет, так как степень осведомленности у всех членов первой группы должна быть различной, к тому же различным могут быть и оценки происходившего, отношение к нему. Следовательно, общее знание оказывается вещью весьма относительной. Существенным моментом будет и жанровая специфика текста: если текст научный, то читатель будет ждать от автора доказательства исторической правоты (научная доказательность необходима даже в случаях, когда концепция автора представляется читателю сомнительной, что можно наблюдать, например, при чтении книг А.Т.Фоменко); если же текст тяготеет к эссеистике, то на смену ожидания исторической правоты придет ожидание специфического, авторского оценивания событий. Это очевидно.

Такие тексты, как фельетоны Т. Боя-Желеньского «Znasz-li ten kraj?», представляют собой промежуточный тип между текстами фактуальными и фикциональными. С одной стороны, их основу составляют реальные события, в которых автор либо участвовал сам, либо получал о них достоверную информацию из первых уст, либо пересказывал достоверные источники. Из перечисленного уже следует некоторая синкретичность текста: при выполнении данных условий он должен содержать в себе черты мемуарного текста, биографического и исторического. Однако с другой стороны, автор не стремится скрыть себя, превратившись в «невьявленного нарратора» (1: 75-77); напротив, его явное присутствие в тексте становится основанием для восприятия изложенных событий, фактов как реально имевших место. В задачу автора явно не входило написать объективную историю краковской жизни рубежа веков: он представляет читателю свое видение этой жизни. Следовательно, факт перестает быть целью повествования, а большую значимость представляет собой оценка факта, видение ситуации глазами автора (или нарратора).

Цикл фельетонов Тадеуша Боя-Желеньского «Znasz-li ten kraj» появился на свет в начале 30-ых годов и был посвящен жизни краковской богемы рубежа XIX-XX веков, чрезвычайно интересному времени в истории одной из культурных столиц Польши. Само название цикла апеллирует к известному стихотворению Адама Мицкевича, представляющему собой перевод из Гете. Впоследствии Станислав Монюшко написал на слова Мицкевича романс, что сделало текст стихотворения еще более известным. Вопросительное «Знаешь ли ты этот край?» выстраивает характер отношений между автором и читателем. Обращенное к поляку, (84)

оно одновременно и объединяет их, и разделяет: объединяет, поскольку *этот край* — это их общая страна, а разделяет, так как автор выражает своего рода сомнение, а знает ли читатель эту страну той, какая предстала она автору. Можно трактовать название и исходя из самого стихотворения Мицкевича, в котором речь не идет о Польше (оно и называется *Wezwanie do Neapolu*, то есть *Обращение к Неаполю*). Обращенное к девушке, оно повторяет рефреном: «Там был мне рай, // Пока со мной была ты». Безусловно, Бой обращается не к девушке — его слова могут относиться к тем, кто был с ним в тогдашнем Кракове и кого уже нет в живых (так, Выспяньский умер еще в 1906 году, Пшибышевский — в 1927).

Первый фельетон «Правый берег Вислы» (см.: [7:3–13]) служит в том числе неким предисловием ко всему циклу, уже потому, что Бой рассказывает о том, что послужило поводом для создания цикла. Это 25-летие «Зеленого воздушного шарика» и написание предисловия к юбилейному изданию «Словечек». (Для польского читателя и кукольный театр-кабаре (шопка) «Зеленый воздушный шарик» («Zielony Balonik»), и сборник шуточных стихотворений и песен для кабаре «Словечки» («Słówka») являются известным культурным фактом.) Но, вероятно, существовала еще одна причина. Бой начинает свои фельетоны с некоей истории Кракова. Нужно сказать, что Краков как объект исторической и культурологической рефлексии привлекает исследователей с конца XIX века и связан с небывалыми темпами возрождения города, когда он за сравнительно небольшой период превращается из заштатного городка в фактически одну из культурных столиц Польши. И в 30-е годы эта тема продолжает быть актуальной. Например, практически одновременно с фельетоном Боя с докладом «Значение Кракова для народной польской жизни в течение XIX века» выступает Станислав Эстрайхер (см.: [3]). Однако если Эстрайхер ставит своей целью представить объективную историю Кракова последнего столетия, то Бой даже историю представляет через собственное ее понимание. Именно он оказывается центральной фигурой своих фельетонов, он навязывает свое прочтение событий.

Его Краков разделяется на две части Вислой, как Париж Сеной. Такое сравнение весьма субъективно и, возможно, важно для автора, в те годы, о которых он пишет, посетившего Париж и восхитившегося им не меньше, чем теперь он восхищается своей краковской молодостью.

Сопоставление Парижа и Кракова направлено скорее на читателя, знакомого с последним: Бой называет парижские реалии, например: «Там – как в Сен-Жерменском предместье – были старые аристократические дворцы». Естественно, умолчание уместно в отношении того, что известно. Польский читатель либо знает, либо попросту видит (85)

перед собой эти «старые аристократические дворцы», причем, если он не был в Париже, для него направление сопоставление изменится на противоположное: Париж такой же, как Краков.

Но далее сравнение явно не в пользу Кракова: «...если на правом берегу Сены гудел современный, богатый, многолюдный, модный Париж; то на правом берегу Вислы были только Дембники». Даже сегодня, стоя на берегу Вислы под великолепным Вавельским замком и глядя на правый берег, можно понять, что имел в виду Бой. Дембники в то время, о котором Бой пишет, еще не входили в состав Кракова (они будут присоединены к нему только в 1910 году – см. [2:360]). Впрочем, читатель Боя уже видел нечто иное: Дембники в черте Кракова спустя полвека выглядели иначе. Правый берег Парижа характеризуется атрибутами, Дембники не содержат атрибутов, поэтому даже читатель, не видевший их, прочитывает неназванные, имплицитные негативные атрибуты. Можно сказать, что возникает ситуация нулевой антонимии.

Читатель Боя, живущий в 30-ые годы XX века, безусловно, помнит недавнюю географию, которая еще не знала таких «географических новостей», как Польша, поскольку единое Польское государство к тому времени существует чуть более 10 лет. Автор же пишет о тех временах, когда Польша была разделена. Ему это нужно, чтобы напомнить читателю, какое особое географическое положение занимал Краков: «Буквально втиснутый в самый дальний угол Галиции, отрезанный границей считай от всего Краковского [воеводства], которое располагалось в российской зоне, другой границей отделенный от промышленной Силезии, лишенный столичного стиля – хоть бы и галицийского – Львовом, включенный в число австрийских крепостей с замедлением из-за этого темпов застройки предместий, Краков не имел перспектив материального развития. Был он, что называется, маленьким городом». Такое сложное описание требует либо иллюстрации (географической карты), либо знания. Обратим внимание, что только один раз называется государственная принадлежность территории – *zabór rosyjski* – то же, что Силезия относилась к Пруссии вообще не упоминается, а принадлежность Галиции Австро-Венгрии может быть выведена из контекста. Итак, данный фрагмент может быть определен как фрагмент-напоминание, служащий для актуализации всем известной информации. Такого рода участок текста сложен для читателя внешнего, хотя и не представляется совершенно непонятным. Укажем еще на один неологизм Боя, который мы перевели как «столичный стиль». В оригинале стоит слово «*stołeczność*» - буквально «столичность», 'бытие столицей'. Это важное указание на то, что Краков в своей истории не раз занимал столичное положение, недаром именно здесь покоится прах таких значимых польских королей, как Казимеж Великий (86)

или королева Ядвига. Говоря «stołeczność», Бой, вероятно, концептуализирует именно ту составляющую понятия Краков, которая апеллирует к долговременному формированию особого столичного стиля, теряющегося, что следует из текста, в описываемое время, поскольку, польский читатель знает, в то время Краков уже не является даже свободным городом.

Вместе с тем Бой, вероятно, допускает – сознательно или случайно – анахронизм, говоря, что Краков отрезан ото всего Краковского границей. Понятно, северной границей, поскольку Королевство Польское находилось к северу от Кракова. По существующей разгворной традиции, атрибут «краковское» не употребляется вместе с существительным. Таких могло быть два: воеводство или губерния, однако не подходят оба, так как, во-первых, с 1837 года Королевство Польское было разделено на губернии, а во-вторых, Краковской губернии не существовало. Следовательно, Бой употребляет название либо новое (с 1918 во второй республике появляется Краковское воеводство), либо старое до 1837 года (скорее всего), когда Краковским воеводством являлась территория к северу от Кракова вплоть до Кельце. Впрочем, нельзя исключить, что в обиходе эти земли так и назывались краковскими даже в те времена.

Совершенно иначе Бой представляет сравнение Кракова со Львовом, в котором «с высот своей культуры, с высот старого, разорившегося, но достойного человека видел ... всего лишь нувориша». Сама оценка Боя, безусловно, крайне субъективна, поскольку, несмотря на то что Краков раньше Львова появляется на исторической арене, на роль нувориша он никак не годится. Вероятно, речь идет именно о том впечатлении, которое на жителей Кракова (возможно, не на всех) производил Львов. Однако нам сейчас важно обратить внимание на то, как производит сопоставление двух городов автор. Обратим внимание, что в отличие от Парижа, Бой не называет ни одной городской реалии, по которой можно было бы судить о Львове. Он пишет, что здесь «кипела жизнь: возникали и лопались, как мыльные пузыри, банки и маленькие банчишки, кипела торговля с Востоком, решались интересы и интересики, всюду юмор, размах, веселье». В тексте, впрочем, появляются некоторые реалии: это названия государственных институтов Галиции, расположенных во Львове, поскольку «Австрия сделала его – черт знает за какие заслуги – столицей» (имеется в виду, естественно, Галиции). Любопытно было бы узнать (к сожалению, такую информацию сегодня уже получить практически невозможно), насколько понятны были непосредственным читателям (назовем так читателей, находящихся с автором в одном месте и в одно время) термины «Краевой отдел» и «Наместничество». Речь идет, скорее, не о лингвистическом, а о юридическом их содержании. В контексте *[во Львове]* «была (87)

резиденция Сейма, Краевого отдела, Наместничества» легко догадаться, что это органы управления, однако все ли точно знали, что это за органы управления. Любопытно, что юбилейное издание «Словечек» Бой снабдил комментарием некоторых слов, обозначающих австро-венгерские реалии, таких как *szóstka* – монета (изначально достоинством 6 геллеров), которая была в обращении, естественно, в самом Кракове. Возможно, если бы названные ранее термины встретились в «Словечках», Бой тоже прокомментировал бы их, что логично, так как забыть их значение еще легче, чем значение слова, обозначающего денежную единицу.

Немного далее, говоря о том, что во Львове пели гораздо больше, чем в Кракове, он вспоминает такой факт: «Львов даже на смерть убийцы отозвался песенкой «Видишь, Левицкий, что любовь может – в холодной могиле любимой труп»». Никакого комментария к указанному Бой не приводит. Из сказанного можно предположить только одно, что некто Левицкий – убийца, который умер. Позднее Х. Маркевич в комментарии раскрыл, что имел в виду автор: «Казимеж Левицкий – львовский юрист из числа золотой молодежи, убийца актрисы Антонины Огиньской (1910). Приговоренный к смертной казни, совершил самоубийство в камере» (6:589). Трудно сказать, насколько непосредственный читатель помнил об этом факте. Вообще, вероятно, убийство Антонины Огиньской во Львове было событием, имевшим широкий резонанс. Марек Солтысик пишет (см.: [5]), что информация о нем появилась в газете «Львовский курьер» («*Kurier Lwowski*»), а затем «попала в журналы Королевства». Далее он сообщает, что об этом писало и краковское «Время» («*Czas*») – одно из самых влиятельных изданий того времени. Однако обратим внимание на то, что Бой не пишет об Антонине Огиньской, которая играла и на краковской сцене, он упоминает лишь фамилию ее убийцы. Марек Солтысик отмечает, что брат Казимежа Левицкого Александр был «уважаемым во Львове человеком», владельцем магазина на Мариацкой площади. Возможно, у читателя 1931 года еще жива была ассоциация, приводящая к делу об убийстве Антонины Огиньской, и он мог вспомнить, что имел в виду Бой. Другой «зацепкой» могло быть упоминание о самой песенке, которую пели на «мотив «Ах, эта тройка»». Однако следует помнить, что и оригинальная песенка (см. [4]), и новая имели хождение во Львове. Сам Бой в фельетоне «Панский Краков» пишет, что не всё в краковской шопке понятно во Львове, вероятно, справедливо и обратное. И это крайне важный момент для того, чтобы установить, кто был виртуальным читателем Боя. Не исключено, что автор пишет свои воспоминания «для своих». Если не все, то по крайней мере некоторые фрагменты он адресует тем, «кто понимает». Совершенно очевидно, что здесь догадаться, (88)

какие исторические ассоциации вызывает автор у читателя, невозможно, если не обладать конкретными знаниями.

Анализ текста можно продолжать, но в рамках данной статьи мы не ставим перед собой такой задачи. Нам важно показать специфику представленного метода анализа. Важнейшим моментом здесь является выявление языковых, текстовых механизмов, позволяющих установить контакт между виртуальным автором и виртуальным читателем. По сути дела, это моделирование процесса чтения, когда читателю «все понятно». Мы остановились прежде всего на моментах, составляющих текстовую пресуппозицию. Именно здесь наиболее четко проявляется тот уровень знания, которого требует от читателя автор.

Само чтение, анализируемое таким образом, является имманентным тексту. Оно изначально задано в расчете на непосредственного виртуального читателя. Его исследование фактически проводится только на основании данных текста. Обращение к реальным читателям или к высказываниям реального автора оказывается избыточным, поскольку предметом исследования является коммуникация виртуального автора и виртуального читателя. Однако без проведения данного исследования невозможно высказывать предположения о деятельности реального читателя.

Литература

1. Шмид В. Нарратология. – М.: Языки славянской культуры, 2008. – 304 с.
  2. Bieniarzówna J., Małecki J.M. Dzieje Krakowa. Kraków w latach 1776 – 1918. Tom 3. – Kraków: Wydawnictwo literackie. 1979.
  3. Estreicher S. Znaczenie Krakowa dla życia narodowego polskiego w ciągu XIX wieku // <http://www.polskietradycje.pl/article.php?artykul=249>
  4. Piosenki lwowskiej ulicy. Antologia. – Wrocław, 1987
  5. Sołtysik M. Zbrodnia w dzielnicy willowej – In: Palestra, 2007, №9–10. <http://www.palestra.pl/index.php?go=artykul&id=2460>
  6. Żeleński Boy T. O Krakowie. – Kraków: Wydawnictwo literackie, 1973.
  7. Żeleński Boy T. Znasz-li ten kraj? ... (Cyganeria krakowska) oraz inne wspomnienia o Krakowie (Wybór). – Wrocław: Zakład narodowy imienia Ossolińskich – Wydawnictwo, 1983.
- (89)

Опубликовано в: Стратегии современного гуманитарного образования. Сборник научных статей. - Вып.2. - М.: МГПИ, 2009. - С.83-89